

«Мечты были не напрасны»

Коммерсант. - 2003 - 4 сент. - с. 19.

После премьеры «Мечтателей» **АНДРЕЙ ПЛАХОВ** встретился с **БЕРНАРДО БЕРТОЛУЧЧИ**.

— Кому адресован фильм — вашему поколению, ностальгирующему по прошлому, или молодежи?

— А вы можете разделить кинозал на левую и правую половину? — Это уже не первый ваш фильм об американцах в Европе. Почему вас волнует эта тема?

— Я люблю Генри Джеймса, в его романах много молодых американцев и американок, которые потрясены европейской культурой, а сами приносят в Европу американскую витальность. В 60-е годы молодые американцы ехали в Европу также, чтобы спастись от Вьетнама. Сегодня, когда идут войны на Ближнем Востоке, все иначе: американская молодежь стала другой.

— Выходит, революция 60-х была напрасной?

— Нет, и я никогда не соглашусь с попытками замолчать это событие — одно из крупнейших в XX веке. Иногда мне кажется, что повзрослевшие и обуржуазившиеся революционеры специально не хотят рассказывать о своей молодости детям, боясь, что те поступят точно так же и сбросят их с корабля современности. Но все социальное поведение изменилось, нравы в обществе стали другими, сексуальная практика тоже. Расцвел феминизм — все это плоды революции 60-х.

— А в кино? Вы считаете, что оно после 60-х тоже изменилось к лучшему?

— То было особое время для кино, и особенно во Франции. Я недавно обедал с Квентином Тарантино. Он, как и я, большой поклонник Годара. И я подумал: Квентин молод, и это прекрас-

но, но ему никогда не понять, чем были фильмы Годара для его современников, не ощутить запах того момента истории. Кино было частью жизни и меняло эту жизнь. Особенно во Франции. Итальянцы моего поколения находились под влиянием неореализма, а молодые французы разбили «папино кино». Сняв свою первую картину, я устроил пресс-конференцию по-французски. Меня спросили: «Почему? Мы же в Италии, и мы итальянцы». На что я ответил: «Потому что французский — это истинный язык кино».

— Но сегодня языком кино стал английский...

— Это только кажется. Да, Тарантино, или Пол Томас Андерсон, или Хэрмони Корин талантливы. Но не менее талантливы Вонг Кар-Вай, Цай Минь-Лянь, Маттео Гарроне. Все эти режиссеры напряженно думают об эволюции

кино, о его новых технологических возможностях, они пытаются заново изобрести кинематограф. Кино сегодня стало другим, но оно продолжает жить.

— Когда-то после показа фильма «XX век» в Москве вы сказали, что камера не автомат. Но в вашем новом фильме кино опять играет роль оружия...

— Да, молодежная революция 60-х началась с того, что полиция напала на демонстрантов-синефилов, защищавших Анри Ланглуа. Сегодня среди молодежи тоже есть киноманы, хотя многое ушло безвозвратно, и когда мы искали молодых статистов на улицах Парижа и Лондона, многие из них даже не знали, кто такая Марлен Дитрих.

— А сами вы разочаровались в левом движении?

— В свое время я вступил в компартию. Но у меня с самого на-

чала были разногласия с моим другом и кумиром Годаром по поводу увлечения Китаем. Сняв «Конформиста», я пригласил Годара на премьеру. Он пришел, как герой «черного фильма», — в плаще с поднятым воротником под проливным парижским дождем. После фильма подошел ко мне и дал бумажку с красными иероглифами — цитату Мао об индивидуализме и капитализме. Мне стало ясно, что нам не по пути.

— В финале фильма вы остаете своих героев на распутье...

— Тео выбирает «коктейль Молотова», то есть борьбу, Мэтью, умудренный опытом, уезжает к себе в Америку. Каждому свое.

— Вы собираетесь вернуться к этим героям?

— Вряд ли. Я хочу пойти в глубь истории. Мой будущий фильм, возможно, будет связан со Стра-

винским и даже заглянет на триста лет в прошлое.

— Музыка играет первостепенную роль в «Мечтателях». И споры о ней — кто лучше: Хендрикс или Клептон, — они так же важны, как дискуссия о том, кто первый в кино — Чаплин или Китон...

— В 60-е все было сплетено в одном клубке: бесконечные дискуссии, политика, секс, музыка и кино. Мы действительно чувствовали себя то в «чаплиновском», то в «китоновском» настроении. Клептон и Хендрикс тоже постоянно жили в нас. Но все кончилось с убийством Альдо Моро, с гибелью Джима Моррисона. Это было в 1971-м. Аньес Варда, которая помогала переводить мне на французский «Последнее танго в Париже», прибежала вместе с подругой Моррисона и сообщила, что он мертв. Это был конец эпохи.